

Цзян Лэ всё шёл и шёл сквозь темноту. Прямых указаний карты больше не было, и он мог двигаться только по дороге, оставшейся в памяти. Сначала добраться примерно до нужного места, а уже потом начинать подробные поиски.

Десяти с лишним дней оказалось достаточно, чтобы многие мутировавшие существа успели изрядно перекроить местность. Когда Цзян Лэ примерно добрался до пределов Бигуана, ему пришлось без устали искать ещё целый день. Только по остаткам прежних строений в зоне мутаций он наконец смог продвигаться всё глубже и так добрался до места, где находилась деревня Вэньси.

Теперь всё было не так, как в прошлый его приход. Вместе с исчезновением старого камфорного лавра исчезла и преграда, отделявшая эту деревню от внешнего мира. Мутировавшие существа больше не подвергались подавлению. Дома, прежде стоявшие ровными рядами, за короткое время почти полностью погребли под собой резко разросшиеся травы и деревья. Посевы, которые совсем недавно только взошли на полях и межах, тоже были сожраны дочиستا. Оказалось, путь от живой, полной сил деревни до заброшенного глухого селения в горах может быть до невозможного коротким.

Цзян Лэ быстрыми шагами вошёл в деревню и пошёл по сельской дороге, по которой уже ходил раньше, один за другим проверяя дома.

Первым он вошёл в дом старшего дяди Вэнь Тао. Двери там были распахнуты настежь. Во дворе даже бродили две курицы, только выглядели они уже не как обычные домашние птицы. На них проступали признаки мутации. Увидев Цзян Лэ, они даже хлопнули крыльями и явно были готовы броситься.

Цзян Лэ не обратил внимания на этих низкоуровневых мутировавших существ. Он прямо ворвался в дом и с первого взгляда увидел два тела, лежавших у стола. По исходившему от них запаху было ясно, что уже началось разложение.

Глядя на этот же самый стол, Цзян Лэ всё ещё мог вспомнить, как в прошлый раз, когда он появился здесь, люди радушно принимали гостя, весело разговаривали и смеялись. Кто бы мог подумать, что новая встреча случится так скоро, и будет выглядеть именно так.

Цзян Лэ изо всех сил сдерживал эмоции. Но почти за каждой дверью, которую он открывал, его встречала одна и та же картина.

Во дворе одного дома рядом с колодцем лежала женщина. Цзян Лэ наклонился и перевернул её. Тело было очень жёстким. Когда он увидел это побелевшее лицо, то вспомнил её имя.

Это была та девушка по имени Сяо Сю. Только теперь её щёки больше не были румяными, а юная миловидность полностью скрылась под мёртвенной серостью.

Огромное чувство бессилия заставило Цзян Лэ принять очевидный факт: несколько десятков

жителей Вэньси вот так все и погибли.

С мутными, сбившимися мыслями Цзян Лэ толкнул калитку дома Вэнь Тао. Двор, где они с волчонком ночевали в прошлый раз, в целом всё ещё сохранял прежний вид. Цзян Лэ открыл деревянную дверь и сразу увидел: в картонной коробке под жертвенным столиком всё ещё лежали сладости, которые он оставил Вэнь Тао перед уходом. Вэнь Тао, должно быть, очень ими дорожил и съел совсем немного.

Цзян Лэ сел на порог. Он думал о своём коротком знакомстве с Вэнь Тао, и только через несколько секунд пришёл в себя.

Вэнь Тао.

Среди тел, которые он только что видел, Вэнь Тао не было.

Подумав об одной возможности, Цзян Лэ снова ощутил тонкую нить надежды. Он встал на месте и закрыл глаза. Не заботясь о возможном риске, он без всяких ограничений раскрыл все свои чувства. Каждая травинка, каждое дерево, слабейшая дрожь, с которой ползали змеи, насекомые, крысы и муравьи, все тончайшие звуки вливались в его слух. Чувства, взяв Цзян Лэ за центр, быстро расходились наружу, уходили с поверхности земли в её глубины и не пропускали ни единого уголка.

Прошло много времени, прежде чем Цзян Лэ с трудом уловил один-два сердечных удара, похожих на человеческие. Не одного человека.

Он резко открыл глаза и бросился туда, откуда доносился звук.

Сердцебиение шло со стороны деревенской окраины, от места, где прежде рос старый камфорный лавр. Только теперь самого дерева там уже не было. На месте осталась лишь круглая яма, обложенная камнями.

Из чёрной глубокой ямы вместе со слабым стуком сердец доносилось едва заметное дыхание. И сердцебиение, и дыхание, эти два признака жизни, были такими слабыми, будто могли оборваться в любой миг.

Цзян Лэ спрыгнул в яму, но людей внутри не оказалось. Он провёл рукой по земле и почувствовал, что удары сердца идут ещё глубже. Цзян Лэ достал из пространства железную лопату и начал копать вниз.

Он копал больше десяти метров, следуя за сердцебиением. Звук становился всё яснее. Боясь задеть людей внизу, Цзян Лэ просто отбросил лопату в сторону и начал рыть руками. Он разгрёб землю ещё несколько десятков раз, отвалил в сторону множество твёрдых камней, и картина перед глазами наконец изменилась. Перед ним были уже не только комья земли,

камни и мёртвые корни старого камфорного лавра.

Здесь оказался маленький лаз, раздвинутый корнями старого дерева. Внутри было очень тесно. В нём лежали двое детей. Они плотно свернулись вместе, словно в безвыходном положении могли опереться только друг на друга.

Цзян Лэ протянул руки и осторожно вынес их наружу. Один мальчик, одна девочка. Мальчик был Вэнь Тао. Девочку Цзян Лэ тоже видел раньше, она была подружкой Вэнь Тао. Когда он по очереди вынимал детей, между ними выпал толстый обломок корня. Видимо, он принадлежал старому камфорному лавру. Корень ещё не до конца утратил силу и смутно выделял кислород.

Из всех жителей Вэньси теперь остались только эти двое детей.

Но даже эти двое, которым удалось выжить, были в очень плохом состоянии. Лица были белыми как бумага, дыхание слабое, словно в любой момент могло остановиться. Если бы Цзян Лэ не пришёл вовремя, если бы оставшийся от старого камфорного лавра корень окончательно потерял действие, их тоже ждала бы неминуемая смерть.

Цзян Лэ отнёс детей обратно в маленький дом Вэнь Тао, положил их на деревянную кровать и укрыл одеялом. До завершения эволюции питомцев оставался ещё день или два. К счастью, когда дети оказались в среде, где кислорода было достаточно, они постепенно пришли в себя. Дыхание стало ровнее. Просто какое-то время они всё ещё не просыпались.

Сам Цзян Лэ почти двое суток не спал. Усталость накрыла его, и он, опершись о край кровати, незаметно задремал.

Поскольку чувства он не закрыл, бесчисленные сгустки обиды и злобы, всё ещё кружащие вокруг ямы, где прежде жил старый камфорный лавр, начали сгущаться в воздухе и потоком хлынули в сознание того, чья духовность сейчас была сильнее всего, в сознание Цзян Лэ.

Брови Цзян Лэ едва заметно сдвинулись. Но вскоре эта обида начала проникать в сон.

Сновидение складывалось из бесчисленных скачущих обрывков.

Какой-то мужчина стоял у края преграды. За руку он держал маленькую девочку. Вокруг него было несколько мутировавших пауков. Чёрная змея выскочила из-под земли, проглотила пауков, окружавших мужчину, потом уменьшилась и остановилась у ног мужчины и девочки.

Вэнь Тао выбежал из-за преграды. Он улыбался тепло и оживлённо:

— Дядя? Как вас зовут? Откуда вы пришли?

Мужчина повернулся. Черты лица были расплывчатыми, но по выражению можно было понять: он улыбался. Голос у него тоже был очень мягким.

— Здравствуй. Меня зовут Сян Пин.

Сян Пин.

Фамилия Сян.

Чёрная змея, Сян Пин. Всё в голове Цзян Лэ соединилось в одну линию.

Обрывок сменился. Сян Пин уже находился внутри деревни Вэньси. Чёрная змея шныряла в траве, а сам Сян Пин вместе с маленькой девочкой стоял у двери одного из домов.

Старый камфорный лавр впустил их только при условии, что сможет полностью подавить. Тогда почему всё в итоге дошло до такого?

Цзян Лэ стоял на краю сна и хотел разглядеть лицо Сян Пина, но раз за разом терпел неудачу. Ему пришлось отказаться и пока идти за мужчиной по деревне.

До этого момента поступки Сян Пина почти ничем не отличались от того, что делал сам Цзян Лэ. Если и было отличие, то лишь в том, что Сян Пин явно был более искушённым и гладким в общении. Под улыбками и разговорами он достаточно быстро заставил жителей деревни ослабить настороженность.

И так же быстро узнал, что жизненная сила сельчан связана со старым камфорным лавром. Иными словами, жизненная сила старого камфорного лавра тоже в определённой степени связана с жителями.

С этого момента Сян Пин начал принимать решения, полностью противоположные решениям Цзян Лэ.

Обрывок снова сменился. Маленькая девочка, пришедшая с мужчиной, вместе с Вэнь Тао и остальными бегала по всей деревне. День сменился вечером. Из печных труб домов начал подниматься дым. Но картина сна стала мутной, и мертвенная энергия быстро распространилась среди жителей.

Вэнь Тао и ещё одна девочка перепугались. Держась за руки, они прятались и бежали по деревне. За ними неторопливо следовали та чёрная змея и девочка, которая днём ещё была их товарищем по играм. Они были жуткими, словно призраки. И только перед старым камфорным лавром Вэнь Тао и девочка исчезли.

Старый камфорный лавр, почувствовав перемены в телах жителей, быстро отреагировал. Он начал с помощью своей способности продлевать им жизнь и выводить яд. Однако, хотя его способность за короткое время утекала без конца, словно вода, спасти всех жителей ему так и не удалось. Наоборот, из-за чрезмерного использования способности старый камфорный лавр сам ненадолго начал падать в уровнях.

9-й уровень, 8-й уровень, 7-й уровень. Возможно, он мог бы опуститься ещё ниже, но на 7-м уровне вытекание способности внезапно оборвалось.

В ещё более сером обрывке мужчина стоял перед старым камфорным лавром. Чёрная змея, вернувшаяся к истинному облику, легко вырвала старый камфорный лавр с корнем. Метеорит, скрытый под корнями, оказался на воздухе.

— Спокойно жить вместе с мутировавшими видами и при этом делать вид, будто они находятся в персиковом источнике?

— Падение. Непростительно.

Цзян Лэ резко проснулся. От этой огромной обиды и сожаления его лоб покрылся холодным потом. Даже выражение лица исказилось от ненависти вместе с чужой ненавистью. Лишь спустя довольно долгое время, когда эта обида наконец рассеялась, его лицо постепенно вернулось к обычному выражению.

Цзян Лэ ясно понимал: это был не простой сон, а реальность, случившаяся в какой-то момент.

Ту большую чёрную змею Цзян Лэ не мог не узнать. А если добавить последние две фразы мужчины, Цзян Лэ сразу вспомнил базу Дунфан.

Под воздействием обиды старого камфорного лавра в сознании Цзян Лэ тоже бушевала ненависть. Ему хотелось немедленно убить Сян Пина. Эти чувства перекачивались в голову, как бурное море. Если выбор сосуществовать с мутировавшими видами считался падением, тогда каким должен быть мир без падения?

Цзян Лэ посмотрел на двух детей, всё ещё спящих на кровати, и крепко сжал кулаки.

Первым после повышения проснулся волчонок. Как только система выдала напоминание, Цзян Лэ сразу выпустил его из пространства.

В эту минуту ему нужна была опора.

Волчонок удивился, что они с Цзян Лэ находятся не на ферме, а вокруг всё ещё знакомая деревня Вэньси. Когда же он посмотрел на Цзян Лэ, увидел его нездоровый цвет лица и усталость, радость после выхода из повышения исчезла. Волчонок поддержал Цзян Лэ за плечо

и спросил:

— Что случилось?

Цзян Лэ вкратце рассказал ему о произошедшем. Выслушав, волчонок тоже помрачнел. Даже если к людям Вэньси у него не было никаких особых чувств и он не переживал так глубоко, как Цзян Лэ, волчонок понимал: жизнь жителей Вэньси нравилась Цзян Лэ и получала его признание. То, что случилось с деревней Вэньси, в какой-то мере ударило по душевному состоянию Цзян Лэ. Одного этого уже было достаточно, чтобы виновный стал непростителен.

— Здесь есть я. Ты отдохни, — сказал волчонок.

После этого повышения и волчонок, и мутировавший женьшень оказались на уровень выше Цзян Лэ. Если волчонок оставался здесь, безопасности действительно было достаточно.

Но даже вернувшись в пространство, Цзян Лэ не отдыхал долго. Когда мутировавший женьшень пробудился после повышения, Цзян Лэ сразу проснулся вместе с ним.

Он вернулся в реальность вместе с мутировавшим женьшенем. Цзян Лэ ничего не успел сказать: женьшень уже почувствовал болезненную, слабую ауру на телах двух детей. Тёплая лечебная сила сразу окутала их и за короткое время постепенно вернула на их лица румянец. Удары сердца тоже становились всё сильнее.

Когда лечебная сила мутировавшего женьшеня медленно отступила, дети наконец очнулись.

Вторую девочку звали Вэнь Тун, она была на год младше Вэнь Тао. Дети ещё не оправились от внезапной перемены в деревне и ужаса перед смертью знакомых людей, которые один за другим погибли у них на глазах. Поэтому, открыв глаза и увидев перед собой волчонка, они первым делом испуганно снова свернулись вместе и крепко обнялись. Их маленькие слабые тела безостановочно дрожали.

— Вэнь Тао, Вэнь Тао, ты ещё помнишь меня? — Цзян Лэ попросил волчонка отступить на шаг, сам сел у кровати и заговорил с Вэнь Тао мягким голосом.

Примерно через десять с лишним секунд Вэнь Тао решил поднять голову и посмотреть на Цзян Лэ. Его взгляд прошёл путь от рассеянности к фокусу, а потом из глаз наперегонки хлынули крупные слёзы. Они, словно бусины, часто застучали по одежде.

— Я... мне не надо было впускать людей снаружи. Я ошибся, — пробормотал Вэнь Тао.

К приближению Цзян Лэ он не относился с таким отторжением, как к волчонку, но всё равно явно съёжился. Реакция Вэнь Туна была почти такой же. Она уткнулась в объятия Вэнь Тао, словно птенец, ищущий, к кому прижаться.

— Вэнь Тао, это не имеет к тебе отношения. Всё это вина того человека, который такое сделал.

Глаза Вэнь Тао оставались пустыми. Казалось, он не слышал слов Цзян Лэ.

На сердце у Цзян Лэ стало тяжело. Он временно вышел из комнаты вместе с волчонком. Стоя перед дверью, он смотрел на деревню Вэньси, где всё осталось на месте, но люди уже исчезли, и не мог произнести ни слова.

Вдруг чьи-то руки обняли Цзян Лэ. Он на мгновение замер, а затем его лицо уже прижали к груди волчонка. Цзян Лэ не оттолкнул его. Он медленно поднял руки и обнял в ответ.

Мало что сильнее живой температуры тела позволяет почувствовать, насколько жизнь свежа и настояща. И мало что, кроме объятий, так ясно даёт почувствовать опору.

Цзян Лэ не потребовалось много времени, чтобы взять себя в руки. Перед лицом уже случившегося, после короткой скорби, кто-то всё равно должен был первым начать действовать.

Он собрал тела жителей, перенёс их к родовым могилам за деревней Вэньси и выкопал там соответствующее количество ям.

Пока он всё это делал, Вэнь Тао и Вэнь Тун наконец вышли из маленького дома. Они смотрели, как Цзян Лэ одного за другим хоронит людей, и наконец заговорили:

— Надо поставить плиты.

Вэнь Тао тихо говорил, растирая глаза. Он указал на одну из могильных плит неподалёку.

— Такие.

Это была плита дедушки и бабушки Вэнь Тао.

Цзян Лэ не отказал. Он нашёл несколько камней и костяным клинком с лёгкостью вырезал на них иероглифы. Под диктовку двух детей он в общих чертах высек имена жителей и поставил грубые надгробные плиты перед каждым новым холмом.

Дети всё это время плакали. Только когда Цзян Лэ поставил последнюю плиту, Вэнь Тао наконец осторожно взял его за руку.

Все родные уже умерли. Деревня Вэньси больше не была домом для этих двоих детей.

Цзян Лэ решил забрать Вэнь Тао и Вэнь Тун обратно на ферму.

Дети только что потеряли близких, и Цзян Лэ был единственным человеком, которому они могли доверять. Всю дорогу они жались к нему в объятия и ни на полшага не хотели отдаляться.

Перед уходом Цзян Лэ бросил на землю семя. Стоило его мысли чуть шевельнуться, как семя быстро проросло. Из земли выбилась огуречная лоза, и под управлением воли Цзян Лэ она кольцом опоясала родовые могилы деревни Вэньси.

Огуречной рассаде, уже достигшей 6-го уровня, было достаточно сил, чтобы защищать безопасность этой области. Одновременно существование этой огуречной лозы давало Цзян Лэ координату, которая не исчезнет. Пока огуречная лоза остаётся здесь, как бы ни разъедали эту местность мутировавшие существа, Цзян Лэ всегда сможет с её помощью привести двоих детей к месту, где когда-то был их дом.

Трое сели на мутировавшего волка и отправились назад. Чтобы беречь детей, чьи тела ещё не до конца восстановились, волчонок немного замедлил скорость. На возвращение на ферму ушёл целый день. К тому времени состояние Вэнь Тао и Вэнь Тун уже немного стабилизировалось.

Но они всё ещё не хотели отходить от Цзян Лэ и почти не разговаривали.

В такой момент бездумно держать их вдали от людей тоже было нельзя. Поэтому Цзян Лэ просто сначала поселил их в старом доме семьи Цзян в деревне Цзянцзя.

Так прошло два-три дня. Несколько работников, которые были с ним ближе всего, например Мао Сяофэй, Кун Шуя и остальные, в общих чертах узнали происхождение этих двух детей. Их эмоции тоже изменились: изначальное любопытство при виде детей, которых Цзян Лэ привёз домой, превратилось в жалость.

Возможно, деревня Цзянцзя чем-то немного напоминала Вэньси, а присутствие Цзян Лэ рядом давало детям чувство безопасности. На третий день после возвращения на ферму Вэнь Тао наконец сам снова сказал Цзян Лэ одну фразу:

— Дедушка-лавр ещё не умер.

Услышав это, Цзян Лэ присел перед ним, чтобы его взгляд оказался на одном уровне с взглядом Вэнь Тао, и глазами ободрил мальчика продолжать.

Пальцы Вэнь Тао слегка поджались. Только потом он продолжил:

— Я чувствую, что он ещё жив. Но ему очень больно.

— Гэгэ, — Вэнь Тао снова тихо спросил Цзян Лэ, — мой дедушка говорил, что нельзя делать плохие вещи. И людей, которые сделали плохое, настигнет возмездие. Тогда тот злодей тоже получит возмездие?

Горло Цзян Лэ пересохло. Ему было трудно сказать Вэнь Тао, что слова о воздаянии за зло во многих случаях лишь утешение слабых для самих себя, а чаще всего злые люди живут лучше всех.

Но эти дни Цзян Лэ тоже всё время думал.

Желание сохранить только себя, защитить только тех, кого он хотел защитить, найти тихий уголок и жить там спокойной жизнью. Не было ли это игнорированием множества преступлений? Не было ли это тоже своего рода отступлением?

От 1-й базы до исследовательского института. От базы Дунфан до деревни Вэньси. От Сичжоу до Ланьму. От тех двух обладателей способностей, высокого и низкого, которые беззастенчиво собирали чужие жизни, до людей, что, выслеживая кровавую лозу, добрались до окрестностей фермы. Цзян Лэ вынужден был признать факт: возможно, он уже бесчисленное множество раз пересекался с тем Сян Пином, которого никогда не видел лично. Словно некая судьбоносная путаница, от которой нельзя уклониться.

Даже если Цзян Лэ захотел бы отрицать этот факт, это лишь привело бы к тому, что его собственные границы постепенно начали бы разъедаться.

Цзян Лэ отыскал голос. Он принял какое-то решение, поднял руку и погладил Вэнь Тао по голове.

— Думаю, получит.

* * *

Оставив Вэнь Тао и Вэнь Тун на ферме под присмотром Мао Сяофэя и остальных, когда их эмоции постепенно стабилизировались, Цзян Лэ снова отправился в путь. Но он не сразу направился на базу Дунфан. Сначала он нашёл несколько маленьких баз в Цзянши и, войдя туда, прямо заговорил о торговле семенами.

После апокалипсиса продовольствия становилось всё меньше в значительной степени потому, что нормальные семена, существовавшие до конца света, не могли приспособиться к нынешней среде. Если база была недостаточно большой и не могла выделить достаточно обладателей способностей для охраны посевных участков, растениям было очень трудно дотянуть до дня урожая. А даже когда день урожая наступал, количество собранного зерна всё равно оставалось крайне ограниченным.

До самой смерти Цзян Лэ в прошлой жизни большинство баз так и не смогли решить эту проблему.

Поэтому в любое время, даже с какой угодно настороженностью, большинство баз всё равно охотно соглашалось на торговлю семенами.

Цзян Лэ просто показал фрукты и овощи, произведённые фермой, и без особых усилий заставил несколько маленьких баз возле Цзянши принять эту сделку.

Жажда и нетерпение баз в вопросе посадок проявились в том, что почти уже на следующий день после ухода Цзян Лэ он через карту в панели фермы увидел: в Цзянши появились новые световые точки посадок.

Покинув Цзянши, Цзян Лэ по тому же принципу передал семена нескольким базам Сичжоу, а также путникам, которые временно жили внутри баз. Они затем понесли эти семена в другие места.

Прятаться и выжидать больше не могло дать Цзян Лэ достаточного чувства безопасности, как не могли удовлетворить и нынешнюю скорость развития, которая была ему нужна. Значит, он просто развяжет себе руки и использует существование фермы до конца.

За десять с лишним дней Цзян Лэ зажёг на карте посадок фермы большую часть городов вокруг Цзянши, а затем добрался до пределов Хайши.

Здесь у нескольких баз, расположенных вокруг 1-й базы, уже имелись семена фермы, только их количество было не слишком большим. На этот раз Цзян Лэ пришёл, чтобы предоставить им достаточно семян и воспользоваться возможностями крупной базы Хайши по связи и торговле с внешним миром, чтобы быстрее рассеять семена по всем уголкам материка.

С конца весны до начала лета, с течением времени, опыт, который посадки на ферме приносили Цзян Лэ, впервые оказался ниже опыта от посадок за её пределами.

Хотя сама ферма всё ещё находилась в закрытом месте и мало общалась с внешним миром, самые разные семена и рассада с фермы каждый день шумным потоком уходили наружу.

Всё это затем превращалось в опыт и показатель строительства и возвращалось обратно, подпитывая ферму. Охотничья карта открылась снова.

Цзян Лэ вместе с волчонком и другими питомцами прибыл туда, где находилась третья охотничья карта. Это место, как и зона мутаций Юньчжун, уже пытались исследовать местные обладатели способностей. Цзян Лэ не стал долго сомневаться. Он сразу вошёл в зону мутаций и начал сражаться.

Ему нужно было достаточно много высокоуровневых кристаллических ядер, чтобы повышать уровни питомцев. Ему также нужно было через бой накапливать больше личного опыта и оттачивать слаженность с питомцами.

Пять дней спустя Цзян Лэ выбрал безлюдное место и вышел из зоны мутаций. Позади него в затянутой тяжёлым туманом зоне мутаций уже ничего не осталось.

Когда весь накопленный опыт сложился вместе, Цзян Лэ наконец снова получил от системы напоминание о личном повышении.

Найдя безопасное место, Цзян Лэ вместе с питомцами вошёл в пространство. Он привычно, как давно выученное дело, разложил добытые в зоне мутаций кристаллические ядра по разным функциональным свойствам: одни отправил на разложение, другие на синтез. Затем он рассчитал, сколько кристаллических ядер нужно разным питомцам, скормил их им, а после сам вместе с питомцами погрузился в повышение.

Только через целый месяц Цзян Лэ проснулся после повышения. Он поднялся ещё на уровень.

Ощущение лёгкости в теле было трудно описать. Ему казалось, что он превратился в лист, в шарик одуванчика. Частицы, которые после прошлого повышения он видел на кончиках своих пальцев, на этот раз стали ещё яснее. Его ладонь почти рассеивалась под порывом ветра по одному движению мысли, а затем под его взглядом снова собиралась воедино.

Когда эти частицы расплывались, Цзян Лэ чувствовал, будто они в любой момент могут обратиться в цветы, травы и деревья, стать чем угодно в этой природе.

Но, кажется, всё это всё же было лишь его собственным воображением. Стоило моргнуть, как ладонь оставалась целой и невредимой, с запахом человеческой плоти и крови.

Цзян Лэ тихо выдохнул и встал с земли.

Волчонку и мутировавшему женьшеню предстояло подняться до 10-го уровня, поэтому их повышение должно было длиться ещё дольше, чем у Цзян Лэ. Даже кровавой лозе совсем немного оставалось до пробуждения.

Проверив состояние питомцев и убедившись, что проблем нет, Цзян Лэ пока оставил их в стороне и открыл другое системное уведомление, которое мигало.

Сообщение пришло несколько дней назад.

«Поздравляем хозяина! Благодаря упорному ведению хозяйства вы успешно повысили уровень фермы до 6-го уровня. Выдающееся строительство, уверенный прогресс!»

<http://bllate.org/book/17649/1691112>